

Дорогой мой друг Яша!

Ну, как бы я мог забыть про твой день рождения 30 октября 1954 года в селе Бельковцы Коростышевского района Житомирской области? Да очень просто. Взял бы – и забыл бы. Ведь главное – взяться за что-нибудь как следует. Как легко забыть и про само село Бельковцы, население которого по переписи [2001 года](#) составляло 1056 человек (это уже без именинника), а занимаемая площадь была 3,404 км² (это опять же уже без юбиляра).

Что, вы скажете, что имя перепутал? Ничего подобного. Это для вас именинник – Саша, а для меня – и Яшка, и Метла, и Берендей. Потому что когда-то у нас – в отличие от большинства людей – одновременно было две жизни: студенческая и театральная.

«Яшка бомбу бросил – революцию сделал!» Это первое, что я, Бумбараш, узнаю про своего закадычного друга, когда возвращаюсь в родное село. Затем Яшку сдает бандитам добренький на вид местный житель, и Яшку закапывают живьем...

Но из памяти Сашу откапывать не приходится. Очень хорошо его помню. В основном, в положении лежа. Как сейчас вижу Сашу лежащим на кровати в общежитии на Пятихатках. Под кроватью – кипы толстых журналов. Саша лежит на спине. Дыхание спокойное, ровное. Вижу, как медленно он опускает руку под кровать и делает ею круговые движения, стараясь зацепить один из журналов. Во второй руке у Саши книга о Римском праве (третий том), которую он не перестает читать. Долго первая рука совершает поиск, но Сашиному терпению нет предела. Ни раздосадованного стопа, ни тихого ругательства – ни звука.

Где-то у Войновича (а, может, нет) кто-то говорит: «Мацав, мацав – не намацав, мацав, мацав – не намацав». Но, наконец, намацав и вытаскивает Дружбу народов. Тут начинает чесаться борода, и надо решать, какую руку освобождать. Журнал опускается на пол. Саша чешет бороду. Все повторяется сначала.

В спектакле про Снегурочку зрителей встречал лежащий в фойе Саша, который изображал спящего берендея. Никто другой с этой ролью так хорошо не справился бы.

Или вот еще. Я об этом просто не устаю вспоминать. Мы лежим втроем – я, Витя Евменов и Саша – в подвале на Рымарской. Мы проспали все, что можно было проспать, и в универ можно было уже и не собираться. И тут Саша произносит: «По-моему, пора начинать торопиться». Но об этом я вспоминал по случаю предыдущего Сашиного юбилея. Вы перечитайте, а то в тот раз не очень получилось.

Принтер тогда не работал, поздравление мое не удалось распечатать. А главное: в тот день были выборы, Саша сидел во главе стола, а за его спиной был телевизор, который периодически выдавал важные сводки, и тогда гости кричали: «Так! Внимание! Дайте послушать! Саша! Ты не можешь в сторонку немножко подвинуться? А то ж ничего не видно!»

Меня там, конечно не было, но я очень хорошо себе представляю, как Саша извиняется, подвигается в сторонку, пригибается. Он бы вообще не прочь занять обычное –

горизонтальное положение – чтобы не застить гостям телевизор и такие важные выборы, но неудобно: все-таки за столом.

А зря. Лучше бы лег. Лучше бы все легли и подумали о чем-нибудь. И вообще: если мы хотим сказать что-нибудь умное – ну, вдруг? – то надо лечь. А то сидя – получается спор или поучение, стоя – лозунги, в лучшем случае – тост.

Все свои изречения, которые навсегда вошли в мою и вашу жизнь, Саша произнес именно в этом положении – когда он думал. Это было очень давно. Возможно, с тех пор он научился ходить. На военной кафедре он еще не умел. Это был и не прусский шаг, и не английский. Вот вы видели когда-нибудь иноходца? Вот Саша был вылитым иноходцем: если его правая нога шла вперед, то вперед шла и правая рука. А если левая – то левая. Вы еще попробуйте так походить – не сразу получится.

Хотя Саша – не исключение. Когда мой сын Митя закончил школу, мы ездили с ним по разным университетам в Америке, чтобы выбрать, куда ему поступать. В одном из них студентка старшего курса проводила для нас экскурсию по территории кампуса, идя все время задом, то есть лицом к нам, причем ни разу не споткнулась. Тогда я сказал Мите: «Вот если ты сюда поступишь, то на 5-м курсе ты тоже сможешь так ходить.» Однако этому не суждено было сбыться.

Но вернемся к нашему юбиляру. Тем более что он никуда и не уходил. Я познакомился с Сашей во время сдачи вступительных экзаменов в ХГУ. И вот как-то после очередного экзамена выхожу я на площадь Дзержинского и вижу, а скорее слышу, потрясающую сцену: стоит Саша возле гостиницы Харьков со своим папой (они тогда там остановились, что само по себе для меня было уже потрясающим) и – внимание, пригнитесь! – разговаривает с ним на чистом украинском языке! Как тот Робинзон, я «остановился, будто громом пораженный». Это вам, может, не в диковинку, а я все таки был с Боссе (район такой на окраине Донецка) и вот слышать как кто-то, по своей воле, непринужденно, как будто ни в чем не бывало, говорит по-украински?

Не знаю, как у вас, тем более сейчас, но у нас в школе украинский язык стоял на втором месте. После русского. Я имею в виду по степени угнетенности. Украинский гнобили мы, ну, а русский – наша феня (это ведь только сейчас, наконец, «Белинского и Гоголя с базара понесли»). Короче, украинская наша училка ходила так тихо по коридорам, стелясь по стеночкам, как тень отца Гамлета, потому что знала, что мы этого крипака Чипку Панаса Мирного, который 500 страниц «по плавнях бигает» уже сами готовы замочить вместе с ней.

И тут такое – на самой большой в Европе площади Дзержинского! «Ну, пацан в натуре гонит», - ошарашенно подумал я, и земля Дзержинского немного покачнулась под ногами, а самый большой в Украине памятник Ленину дал тогда первый крен (а, может, прислушаться хотел, на каком там таком языке говорят, и наклонился. Ведь ничто человеческое ему не было чуждо).

Я тогда – по простоте душевной – еще подумал, что, может, вырубить его. Сашу то есть. Но они так спокойно, серьезно беседовали, так уважительно друг с другом общались и непринужденно – прямо, как на родном языке (хотя понятно было, что понты), что я передумал.

Да я тогда вообще мало о чем думал. Это сейчас мы пытаемся что-то осмыслить, ищем объяснения настоящего в своем прошлом. И небрежно брошенные когда-то и кем-то фразы становятся пророчествами, а наше юное лицедейство приобретает характер знамения. Почему режиссер Марк Энтин выбрал именно Сашу на роль того, кто «бомбу бросил – революцию сделал»? Не коктейль ли это был Молотова? И где этот кряхтящий симпатичный старичок, который сдает Сашу бандитам? Может, где-нибудь под Волновахой?

И «кто меня влечет по белу свету?» Почему я никак не могу остановиться, хотя уж «где я только не был, чего я не отведал»...

Это, конечно, просто совпадения. И наши слова не имели и не имеют особого смысла. Это – всего лишь продукт наших собственных химических реакций, одно из наших выделений, не лучшее и не худшее. Так разве можем мы по словам о чем-то судить, если они не более, чем мазок?

Вот считается, что в начале было слово. Только какое? Возможно, совсем не такое, какое мы себе можем представить. Может, это был просто «Бум»? Или «Ба»? Или «Бумбараш»? Кто его знает...

Мне кажется, что сказать что-то умное вообще нельзя. «Ум» появляется только позже (если вообще появляется). Вот в одной песне Вакарчук чего-то ищет и поет «Десь воно е, хто ж його знає». Абсолютно ничтожные и бездумные, казалось бы, слова, просто наполнитель, так – для рифмы. Но постепенно – и не сразу – начинаешь понимать, что они определяют в нашей жизни практически все. И если вот это «воно» поначалу может быть ключом или мобильником, то в конце воно может стать чем угодно – тем, о чем мы может только догадываться или мечтать.

Так вот, о чем это я? О словах. От них лучше всего отказаться. Так поступил Саша Кальниченко. Для этого он стал переводчиком. Переводчик не имеет своих слов. Это ни плохо, ни хорошо. Это такая профессия. Но это удобно. Если слова даже, скажем, украинские, всегда можно сказать: да, украинские, но не мои. Я – ни при чем.

Есть, безусловно, обратная сторона: переводчик не может ничего пересказать своими словами. Но важно ли это для нас? Ведь мы любим, когда пересказывают нашими словами.

И вот пока мы бегали, кричали, ездили по белу свету, жадно смотрели телевизор, вещали в микрофон, предпринимали и учреждали, пели песни, не помня слов, строили и разрушали – пока мы все это делали, Саша знайшов «воно». Мацав, мацав – и намацав. Написал – вероятно, опять же в горизонтальном положении – 100 (сто) книг о переводе и

перевел миллион слов. Нашел любовь всей своей жизни и женился на ней же. Как говорится: «Хороший дом, хорошая жена – что еще нужно, чтобы встретить старость?» Оказывается, нужно: сын-молодец, невестка-красавица и маленький, но мудрый внук Яким, который раньше дедушки понял, что лучше лежать и молчать. Еще ремонт квартиры нужно закончить, это еще лет на 10 как минимум, то есть старость скоро встречать не придется.

Остается вопрос: что с этим всем делать? Кто-то скажет: Кто ж його знае? А я отвечу: с этим можно только поздравить. Поздравляю, Саша! Я и себя поздравляю. Поздравляю себя с тобой. Хорошо, что судьба свела нас вместе. Ты ведь стал не только моим другом, ты стал моей Украиной, потому что до тебя я не думал, что она есть.

Так что мое поздравление тебе можно так и назвать:

Слава – Украине.

P.S. Насчет вот этого памятника, который снесли. Сейчас выясняется, что это был таки памятник не Ленину, а Дзержинскому. Был похож на Ленина, а на самом деле это был Феликс Эдмундович Дзержинский. А площадь Дзержинского была похожа на площадь Ленина. Об этом знали только на Совнаркомовской, и сделано это было, чтобы запутать врага. Но это не принципиально: Ленин-Дзержинский, похож – не похож. Вот вы знаете, например, что памятник Бандеры тоже на Ленина похож, если сверху посмотреть? Голуби это хорошо видят, что и определяет их отношение к памятникам...